

ПРАВСТВЕННЫЙ ИДЕАЛИЗМ П.И. НОВГОРОДЦЕВА

Чапалда К.Г.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Павел Иванович Новгородцев – один из блестящих русских философов, которые в поисках истины сформулировали и сохранили для последующих поколений фундаментальные идеи, составляющие основы русской философии.

Так, например, такая универсалия как нравственность играла заглавную роль в представлении личности сквозь призму идеалистических направлений. Новгородцева интересовал вопрос соотношения нравственности и права. По-новому воспринимались вопросы теории и практики юриспруденции в конце XIX в. после утверждения этического идеализма в философии права. Философ установил, что право и нравственность отнюдь не одно целое, но указывал на их взаимодействие на основе естественно-правовых идей, что заставило критически отнестись к позитивному праву.

Одним из наиболее сложных и неоднозначных вопросов в философии права для Новгородцева был вопрос о соотношении права и нравственности. Находясь в обществе, личность как обладатель определенных нравственных норм сталкивается с иными членами этого общества, нравственные нормы которых могут крайне отличаться. Взаимное недопонимание и конфликты выступают результатом подобных столкновений.

Мыслитель обосновывает это тем, что чем выше уровень жизни и культуры, тем сильнее расслоение общества в зависимости от рода деятельности его членов и занимаемых ими общественных положений.

Потребностью в общении и противоречием частных устремлений, для Новгородцева являются двумя "элементарными аксиомами". При этом "право и нравственность, – объясняет ученый, – являются силами, обуздывающими произвол человеческих страстей, вносящими мир и порядок во взаимные отношения людей и противопоставляющими эгоизму частных стремлений интересы общего блага и требования справедливости" [1, с. 104]. Не сомневаясь в силе права и нравственности, Новгородцев убежден: потерять даже одно из этих двух начал на пути своего развития общество не способно.

Потому он и утверждает, что "ни право без нравственности, ни нравственность без права не могут рассчитывать на прочное существование и развитие" [1, с.104]. И поскольку два начала тесно связаны друг с другом, то развитие одной сферы обязательно найдет отклик во второй, и наоборот.

Право, по словам Новгородцева, "никогда не может всецело проникнуться началами справедливости и любви" [1, с. 105]. Точно также нельзя назвать его и "этическим минимумом", так как не исключены моменты, когда картина абсолютно противоположная, и право противоречит нравственным нормам. Возможны случаи, когда в правовую сферу включены действия и факты, которые можно констатировать как безнравственные. Нравственность – это олицетворение бескорыстия, человеколюбия, самоотверженности, а потому и является более глобальным понятием.

Нравственность не имеет четко прописанных форм своего альтруистического исполнения. Каждый волен выбрать путь стремления к нравственности и исполнения нравственных заповедей. "Для достижения нравственного совершенства нет и не может быть никаких заранее установленных рамок, – убежден философ [1, с. 107]. – Это область постоянного стремления к добру, высшая цель которого переходит за пределы всяких личных соображений и расчетов, чтобы торжествовать победу над эгоизмом в подвигах самозабвения и самопожертвования".

Описывая нравственность и выделяя разницу между правом и нравственностью, Новгородцев упоминал, что праву не интересны внутренние переживания человека и важно лишь внешнее исполнение долга. Ведь возможно, что личность действует так, чтобы избежать более серьезного наказания за правонарушение. Нравственности же не нужна видимость доброты, она к этому равнодушна.

Еще одним важным моментом является принудительная природа правовых норм. Как констатирует философ, для нравственности совершенно чуждо принуждение, ведь она предполагает отнюдь не вынужденное осуществление ее предписаний. Для Новгородцева присвоить принуждение нравственности – означает разрушить ее естество. Оно предоставляет свободу личности в совершении нравственного долга.

По мнению Павла Ивановича, расхождение нравственности и права – это результат длительного развития общества, и нравственность представляется «высшим размером требований», предъявляемых личности, в отличие от права. Поэтому нравственность, как естество труднее поддающееся природе человеческой, остается свободным идеалом для личностных стремлений. К ней человек должен «добираться» добровольно, а не по принуждению. "Только личность, – уверен Новгородцев [2, с. 482], – является единственным источником сознательных решений и носителем идеи должного. Через индивидуальное переживание личности общественные цели приобретают нравственную форму. Самоопределяющаяся, автономная, гармоничная личность является нравственной основой общества, реализуя в нем свое нравственное призвание".

Не стоит опасаться, что право станет абсолютно безнравственным, «простым продуктом силы» государственного аппарата, если оно будет развиваться по пути точности и строгости к отстранению от нравственных норм. Новгородцев декларирует и яро отстаивает идею о бесконечной прочной связи права и нравственности. В подтверждение этой связи философ констатирует, что в истории встречались случаи трансформации юридических норм в моральные и обратно. То – есть поэтапная победа нравственной свободы над явлением юридического принуждения, или же изменение общественных мыслей в отношении действий, которые ранее подходили лишь под нравственное усмотрение, и только позднее были определены под защиту права. Этот факт подтверждает мобильность границ двух рассматриваемых сфер и указывает, что праву в определенной степени принадлежит нравственный элемент.

Мыслители раннего периода подчеркивали важность нравственных принципов в правовом естестве, и верили в вероятность существования в этом праве нравственного идеала. "В эпоху господства школы естественного права все были убеждены в том, что существует некоторое совершенное и вечное право – разумное, как сама истина, справедливое, как чистое воплощение правды", – пишет Новгородцев. "Отсюда вечное искание новой правды, – подчеркивает Новгородцев, – которое не может прекратиться, как не могут исчезнуть общественные различия и разногласия"[3, с. 711].

Эта мысль приводит нас к тому, что право изначально носит далеко не принудительный характер, а имеет в основе своей примирительное существо, а, следовательно, и нравственное. Право тяготеет к господству над сталкивающимися общественными устремлениями, тем самым пытаюсь примирить общество. Таким образом, выявлена взаимосвязь права и нравственности и его отличие от силы.

Новгородцев утверждает, что действительное право – не есть рефлексия справедливости, но без нравственных явлений, таких как ограничение и долг, не существует права, есть лишь неконтролируемая и нерегулируемая сила. А справедливость как нравственная составляющая права – это сила, поддерживающая своим весом иные силы, которые могут с ней взаимодействовать. Как следствие, право, как область, частично принадлежащая нравственной сфере, вольно использовать и свое внутреннее влияние. Этим Новгородцев объясняет общность права и нравственности. Юридический закон, по факту, наблюдает лишь за его внешним исполнением и не интересуется внутренними переживаниями личностей, составляющих общество того или иного государства, но для успешности его претворения в жизнь внутренний вес права видится ученому обязательным критерием. Ведь то право, которое действует только лишь из страха принуждения и не обладает справедливостью во внутреннем сознании общества, самое опасное и недолговечное.

Новгородцев полагал, что ни публичное право, ни частное право также не могут без нравственной составляющей, поскольку тогда бы общество называлось "союзом вражеских сил". Новгородцев видит мощное влияние нравственности на юридический аспект, а потому и наделяет право весомой функцией в развитии самой нравственности. Чтобы искоренить конфликты внутри общества, одних лишь внутренних побуждений будет мало. "Под охранительной сенью закона, – утверждает философ, – утверждаются и упрочиваются связи нравственные" [1, с 110]. Право, обеспечивая для нравственности пути положительного развития, не создает ее, но играет определенную воспитательную роль.

Новгородцев делает вывод, что когда право и нравственность развиваются в разных направлениях и отходят друг от друга, они, тем не менее, не утрачивают своей связи, которая содержится в том, что "там, где право отказывается давать какие-либо предписания, выступает со своими велениями нравственность; там, где нравственность бывает не способна одним своим

внутренним авторитетом сдерживать проявления эгоизма, на помощь ей является право со своими средствами внешнего принуждения" [1, с. 110].

Новгородцев описывает право и нравственность в их неразрывной связи друг с другом как две пересекающиеся окружности, где в пересекающейся области расположены их общие принципы и нормы, а в несовпадающих частях окружностей содержатся их предписания, которые не сходятся, а иногда и контрастируют друг другу. Философ надеется, что с течением времени связь права и нравственности будет только сильнее, отражая их единение в юридических нормах еще точнее.

Абсолютная ценность правовой природы нравственности не вызывает сомнений у Новгородцева. Моральный абсолютизм рассматривается сквозь призму взаимодействия универсалий формы и содержания. Философ замечает, что мораль меняется с течением истории, и каждая отдельная эпоха закладывала определенное содержание в эту мораль; а абсолютизм он связывает с формой нравственности.

В учениях Канта о моральности Новгородцев усматривает то, что области нравственности и права не просто лишь пересекаются, а то, что право, поглощая положительные нормы, даже одобряет эгоистические помыслы человека [4], что категорически не сочетается с нравственным идеалом, по взглядам философа. А вот позиция Владимира Сергеевича Соловьева, который провозглашал главную цель права в служении задачам нравственного развития всего человечества и стремился "обнаружить силу права против права силы" [5, с. 17], Новгородцеву крайне близка.

В более поздний период своего творчества мыслитель желал найти истину в соединении права и морали для нравственного роста личности, ведь "...высшим идеалом общественных отношений является внутреннее свободное единство всех людей", а "единственно верный путь к этому идеалу – это свободное внутреннее обновление отдельного человека и внутреннее осознание общей ответственности людей и их взаимной солидарности" [3, с. 713].

Создавая общественный идеал, право и государство – это своеобразные вспомогательные стадии его создания, но они обязаны подчиняться высшей нравственной норме. Поэтому нужно не разделять право и нравственность, а обнаружить конкретную связь права и нравственности перед высшим нравственным идеалом, образующим норму социальной жизни.

Список литературы

1. Новгородцев, П.И. *Право и нравственность* / П.И. Новгородцев // *Правоведение*. – 1995. - № 6. – С. 103-113.

2. Новгородцев, П.И. *Проблемы идеализма: сборник статей* / П.И. Новгородцев. – Москва: Модест Колеров и "Три Квадрата", 2002. – 894 с. – ISBN 978-5-9460-7003-7.

3. Новгородцев, П.И. *Об общественном идеале: научная монография* / П.И. Новгородцев. – Москва: Директ-Медиа, 2011. – 1040 с. – ISBN 978-5-4460-9341-0.

4. Новгородцев, П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права / П.И. Новгородцев. – Москва: Унив. тип, 1901. – 248 с. – ISBN 978-5-4458-0902-9.

5. Новгородцев, П.И. Идея права в философии Вл. С. Соловьева. О путях и задачах русской интеллигенции. О своеобразных элементах русской философии права / П.И. Новгородцев. – Москва: Директ-Медиа, 2008. – 110 с. – ISBN 978-5-9989-0181-2.

